

М.А. БОНДАРЕНКО

Филипп Федорович Фортунатов – ученый, педагог, реформатор (К 170-летию со дня рождения)

Статья посвящена Филиппу Федоровичу Фортунатову, выдающемуся русскому ученому-лингвисту. Идеи Фортунатова определили дальнейшее развитие русской лингвистической мысли. Его трудами в России сформировалось новое поколение ученых, развивших теоретические положения учителя. Фортунатову принадлежит мысль о том, что школьный курс русского языка должен опираться на достижения современной лингвистики.

Ключевые слова: *Филипп Федорович Фортунатов; Московская лингвистическая школа; преподавание грамматики русского языка в школе; орфографическая реформа.*

Marina A. Bondarenko

Filipp Fedorovich Fortunatov – the Scientist, Pedagogue, Reformer (to the 170th Anniversary of Birth).

The article is dedicated to Filipp Fedorovich Fortunatov – the outstanding Russian linguist. Fortunatov's ideas determined the further development of Russian linguistic thoughts. The new scientists generation developed his theory was formed by his works. The idea that school course should rest upon the modern linguistics achievements belongs to Fortunatov.

Key words: *Filipp Fedorovich Fortunatov; Moscow linguistic school; Russian language teaching at school; spelling reform.*

Фортуна – в римской мифологии богиня счастья, случая и удачи. Старинное имя *Фортунат* в переводе с латинского значит счастливый, и 17 января – день его небесного покровителя. В этот же день именины и у Филиппа (в переводе с греческого – ‘любящий коней’). Этим именем был крещен родившийся 2 января 1848 г. четвертый ребенок Федора Николаевича и Юлии Алексеевны (урожд. Монаковой) Фортунатовых – Филипп Федорович Фортунатов.

Семья Фортунатовых была счастливой на таланты. Глава семьи Федор Николаевич, сын вологодского учителя, уже в 13 лет окончил гимназический курс и, дожидаясь возраста поступления в университет, самостоятельно в домашних

условиях совершенствовал свои знания в области древней истории и языков. По окончании Петербургского университета, вернувшись в родные края кандидатам, Федор Николаевич стал преподавать историю и статистику, а затем и греческий язык. Помимо преподавания в гимназии, Фортунатов-отец активно занимался общественной работой: руководил губернским статистическим комитетом, а также обучал учителей городских и уездных училищ методике преподавания.

Формируясь в такой среде, не могли не пойти по стопам отца и его дети. Дочери стали учительницами, а все четыре сына – учеными и педагогами. На развитие трех младших братьев – Филиппа, Степана и Алексея – в значительной мере повлияла старшая сестра Екатерина, прекрасно подготовленная отцом в области философии, истории и литературы и с 13 лет опекавшая братьев после ранней (в 1857 г.) смерти матери.

Наиболее значительных успехов на научном поприще в семье Фортунатовых достиг Филипп Федорович, академик

*Марина Анатольевна Бондаренко, кандидат педагогических наук, профессор
E-mail: marbondina@mail.ru
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»*

ул. Лобачевского, д. 90, Москва, Россия

Academy of labour and social relations

90, Str. Lobachevsky, Moscow, Russian Federation

Российской академии наук, выдающийся русский лингвист, основные интересы которого были сосредоточены в области сравнительной грамматики, фонетики и морфологии индоевропейских языков.

Несмотря на такую, казалось бы, далекую от школьного образования сферу интересов, несмотря на то, что Фортунатов занимал в течение 30 лет в университете сначала должность доцента, а затем профессора и преподавал в средней школе весьма недолго (в 1874—1876 гг. он частично читал курс греческого языка в частной гимназии Креймана), высказанные им идеи во многом определили изменения в школьном образовании.

Связано было такое влияние и с тем, что Филипп Федорович явился основателем Московской лингвистической школы, не случайно получившей название фортунатовской. Создав целостную школу вузовского лингвистического образования, он подготовил плеяду отечественных лингвистов. Учениками Фортунатова были А.А. Шахматов, М.М. Покровский, Д.Н. Ушаков, А.М. Пешковский, В.К. Поржезинский, М.Н. Петерсон, В.М. Истрин, Н.Н. Дурново, Б.М. Ляпунов, С.М. Кульбакин. У него учились и зарубежные ученые, а фундаментальные положения фортунатовской школы сыграли значительную роль в формировании концепций структурной лингвистики Пражской лингвистической школы, датского и американского структурализма.

Влияние Фортунатова на студентов и молодых преподавателей было безмерным. Вот как пишет о нем В.К. Поржезинский, один из самых преданных учеников Фортунатова:

Он был исключительной натурой и по своим сердечным качествам, по своей искренней доброте и гуманности. Притягательная сила этих его черт была необычайно велика, и все, близко стоявшие к нему, знают, чем они обязаны этим именно свойствам своего незабвенного учителя. Будучи цельною и законченною натурой, в которой гармонически сочетались высокий ум и нежное, любящее сердце, Филипп Федорович был в глазах ближайших своих учеников высшим нравственным авторитетом. Они шли к нему, как к близкому, бесконечно дорогому человеку, не только за наукою, но и за советом и словом одобрения в жизни. То, что было нечестно и фальшиво, Филипп Федорович осуждал совершенно прямо и откровенно, и все знали, что суждения его были неподкупны [Поржезинский б 1914: 81].

М.В. Панов назвал Поржезинского «рыцарем Фортунатова, бесконечно ему преданным». Поржезинский вел летопись трудов своего учителя, готовил к публикации его лекции, которые сам Фортунатов никогда не записывал, а Поржезинский «то ли стенографировал, то ли как-то ухитрялся сокращенно записывать, потом лекции расшифровывал — и давал на проверку Фортунатову, который вносил изменения, поправлял...» [Панов 2014: 90].

Фортунатов практически не оставил (за исключением магистерской диссертации) фундаментальных трудов в прямом значении этого слова. Свои идеи он предпочитал высказывать во время лекций и в частных беседах, именно поэтому мысли Фортунатова были блестяще развиты его учениками, получили продолжение в их теоретических трудах и стали основой для формирования самостоятельных направлений в отечественной лингвистике.

Если вчитаться в список опубликованных Фортунатовым трудов, то можно увидеть, что это, за редким исключением, статьи в научных сборниках, по размеру весьма незначительные, рецензии, критические разборы, предисловия, замечания. Число их, конечно, не слишком велико, но зато очень велико их значение:

То обстоятельство, что Филипп Федорович не дал в печати всего, что он мог дать, объясняется, с одной стороны, его редкою требовательностью к самому себе, а с другой стороны, конечно, тем, как он относился к своим профессорским, а впоследствии к академическим обязанностям. Не гоняясь нисколько за ученою славой и не дорожа приоритетом научных открытий, покойный долго вынашивал свои труды, стараясь придать им возможную законченность и полноту. В его письменном столе хранилась не одна вполне готовая к печати работа, опубликованию которой помешало или новое, возникшее у автора сомнение, или чисто внешнее обстоятельство — появление в печати статьи, близко совпадавшей по содержанию с его мыслями [Поржезинский б 1914: 76].

Труды Фортунатова, в том числе неопубликованные, имевшиеся только в литографированном варианте, составили двухтомное издание его «Избранных сочинений», которое было подготовлено Академией наук СССР и вышло из печати в середине 50-х гг. XX в. в двух томах. Они включили в себя четыре обширных университетских курса, читанных Фортунатовым на протяжении трех десятилетий преподавательской

деятельности – «Сравнительное языковедение», «Сравнительная фонетика индоевропейских языков», «Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка» и «Сравнительная морфология индоевропейских языков».

Замыкает это издание, казалось бы, незначительная по сравнению с объемными университетскими курсами часть – доклад, прочитанный Ф.Ф. Фортунатовым 27 декабря 1903 г. на съезде преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях, «О преподавании грамматики русского языка в средней школе». И как всегда, у Фортунатова объем публикации обратно пропорционален силе и новизне мысли, в ней отраженной.

Вопросы преподавания грамматики в средней школе волновали педагогическую общественность, в том числе университетских преподавателей, которые видели результаты труда своих гимназических коллег, о чем и сам Фортунатов откровенно заявил перед участниками съезда:

...я, в качестве университетского профессора языковедения, был поставлен в особенно благоприятные условия для того, чтобы иметь возможность судить о результатах, какие дает изучение грамматики русского языка в средней школе [Фортунатов 1957: 429].

Признавая, так же как и присутствующие на съезде учителя, неудовлетворительным изучение русской грамматики в средней школе, Фортунатов далее высказывается относительно того, в чем именно, с его точки зрения как университетского преподавателя, состоит эта неудовлетворительность:

...1) изучение грамматики русского языка в средней школе дает для образования учащихся значительно менее того, что оно должно было бы давать при оценке познаний, приобретаемых учениками... по отношению к тем целям, какие ставит перед собою средняя школа; 2) изучение грамматики родного языка в средней школе дает в настоящее время очень нежелательные результаты в том отношении, что вносит в умы учащихся путаницу понятий о явлениях, фактах языка вообще и нередко вызывает поэтому отвращение к теоретическому изучению языка [Там же: 430].

Цель преподавания грамматики в средней школе Фортунатов формулирует следующим образом: «вызвать в учащихся сознательное отношение к явлениям, существующим в том языке, на котором они думают и говорят» [Там же: 436], что, по мысли

ученого, особенно значимо с точки зрения развития умственных способностей учащихся. Именно в связи с этим Фортунатов считает, что нельзя ограничиваться изучением грамматики только в низших классах средней школы, поскольку это не дает возможности достичь обозначенной цели. При этом ученый указывает на то, что приемы и методы изучения грамматики при освоении учащимися начального курса и систематического изложения в старших классах должны значительно отличаться друг от друга.

Остановимся на направлениях изучения грамматики, предложенных Фортунатовым учителям. В начальной школе, считает ученый, необходимо, чтобы «учащиеся под руководством преподавателя сами открывали и определяли явления родного языка; дело преподавателя останавливать внимание учеников на известных явлениях языка, помогать им производить требующиеся при этом изучении умственные действия отвращения, обобщения, различения» [Там же: 437]. Фортунатов считает, что такой подход дает возможность обойтись без учебника, предлагающего, как правило, изложение некоторых фактов грамматической теории, которые на данном этапе могут принести учащимся только вред. Действительно, большинство учебников по русскому языку, использовавшихся в школе, именовалось грамматиками («Практическая русская грамматика», «Сокращенная русская грамматика», «Русская грамматика», «Начальные правила русской грамматики») и представляло собой свод теоретических положений. Исключения были редкими. Иной подход, например, использовал в своих учебниках Н.Ф. Бунаков (см: [Бондаренко 2017: 43]), однако применялись подобные книги не во всех учебных заведениях.

Фортунатов настойчиво рекомендовал учителям:

...изучение русской грамматики в низших классах школы должно быть связано с чтением и с письменными упражнениями: сопоставление живого, разговорного языка с русским книжным языком помогает учащимся наблюдать факты того языка, на котором они говорят [Фортунатов 1957: 438].

В то же время в старших классах, считал Фортунатов, не только возможно, но и необходимо теоретическое изучение грамматики в систематическом изложении. При

этом существенное место здесь должно занимать изучение синтаксиса родного языка, а, кроме того, учащиеся должны получить представление и об историческом пути русского языка:

...известная сумма таких сведений необходима для того, чтобы учащиеся получили правильное понятие о языке, так как существование языка во времени состоит в постоянных, хотя и постепенных, изменениях... образующих в их совокупности язык данной эпохи [Фортунатов 1957: 440].

Достаточно большое внимание уделил в своей лекции Филипп Федорович тем ошибкам, которые присутствуют в учебниках, используемых в средней школе, и наносят большой вред при преподавании грамматики.

Таких основных ошибок Фортунатов выделил три. Это, во-первых, смешение звуков с буквами («та глава, в которой определяются звуки русского языка в связи с обозначающими их буквами... представляет обыкновенно одну сплошную ошибку»); во-вторых, «смещение фактов, существующих в данное время в языке, с теми, которые существовали в нем прежде... особенно... при определении грамматического состава слов» и, в-третьих, «ошибочное смешение грамматических классов...», в том числе при классификации слов как частей речи в морфологии и при определении членов предложения методом вопросов в синтаксисе [Там же: 441–461].

Таким образом, Фортунатов указал в своем выступлении на непригодность грамматической теории, предлагаемой в учебниках, практически по всем разделам грамматики русского языка. А выход из этого тупика, на взгляд Фортунатова, состоял в том, чтобы привести курс школьной грамматики в соответствие с теми научными представлениями, которые сложились в языкознании к настоящему времени.

Интересно то, что в лекции, прочитанной участником съезда — преподавателем русского языка в военно-учебных заведениях, Филипп Федорович увлекся тем разделом грамматики, которому у него практически не посвящено ни одной другой работы, — синтаксисом. И этот факт интересен по двум причинам: во-первых, он доказывает, что Фортунатов занимался и синтаксисом, во-вторых, он свидетельствует о глубоко уважительном отношении к участникам съезда, в которых он видел не просто преподавателей кадетских корпусов

и военных училищ, но своих коллег, которые, как и его студенты, смогут в дальнейшем развить мысли, высказанные учителем. И это отнюдь не догадка: Л.В. Щерба, участник съезда, в ту пору преподававший в 1-м кадетском корпусе, писал позднее:

Теоретические идеи Филиппа Федоровича в области синтаксиса надо признать особо глубокими... я имел счастье слушать его лекцию «О преподавании грамматики русского языка в средней школе» на Первом съезде преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях. Отчасти исходя из идей Филиппа Федоровича, а отчасти отталкиваясь от них, я строю свой синтаксис [Щерба 1963: 93].

К 1903 г., когда Фортунатов выступал на съезде, он уже оставил университетскую кафедру и вел только академическую деятельность. Но, думается, манера его выступления и общения с аудиторией не изменилась, поэтому благодаря биографическому очерку К.В. Поржезинского можно представить, как это происходило:

В чтениях Ф.Ф. никогда не было погони за внешними эффектами: он и высказывал неоднократно мнение, что содержание должно говорить за себя, внешними же приемами нельзя скрыть, по крайней мере — надолго, незначительность содержания. Его неторопливая речь, в которой каждое слово стояло на своем месте, в которой не было досадных для слушателей замочков и поправок, в высокой степени гармонировала с стройностью и точностью самой мысли. Глубоко западали эти лекции в умы внимательных слушателей [Поржезинский а 1914: 19].

Оставил воспоминания о своем университетском профессоре известный историк и публицист А.А. Кизеветтер:

Он читал нам курс сравнительного языкознания. Специалисты упивались его лекциями. Для неспециалистов слушать его было очень тяжело. С чрезвычайной скупостью отмеривал он слова, и для понимания его лаконического изложения требовалась солидная подготовка... Сидя в компании, он часами хранил глубокое молчание. Иногда в его присутствии шли отвлеченные филологические споры, а он упорно молчал, как будто безучастный к спору. И когда спорщики исчерпают все доводы и впадут в полное утомление, вдруг оказывалось, что у Фортунатова давно уже готово такое решение спорного вопроса, перед которым умолкали все разногласия [Кизеветтер 1996: 64].

Эти заметки добавляют интересный штрих к характеристике ученого: становится понятно, что не только начинающие

лингвисты, но и студенты, имевшие другие научные и профессиональные интересы, оказывались в числе поклонников Филиппа Федоровича, в том числе бывали в его доме на известных в университетских кругах фортунатовских четвергах:

...их посещали и молодые студенты, и молодые ученые, и товарищи, и друзья гостеприимного хозяина. Для всех участников этих собраний они останутся навсегда в благодарной памяти. В скромной квартире Филиппа Федоровича скоро образовалась своего рода академия по языковедению, и влияние этих собраний было глубоко и благотворно [Поржезинский б 1914: 80].

Таким же местом паломничества станет и другой дом Фортунатова — в деревне Косалме, что под Петрозаводском, где начиная с 1895 года ученый проводил свои летние каникулы. Здесь в гостях у Фортунатова побывали многие известные ученые: В.М. Истрин, М.М. Покровский, В.К. Поржезинский, Ф.Е. Корш, в том числе иностранные: Белич, Сольмсен, Шрадер и др.

Был среди них и А.А. Шахматов, с которым Фортунатова связывала дружба и серьезная работа. Речь идет об орфографической реформе, и без упоминания о ней портрет Ф.Ф. Фортунатова как деятеля на ниве образования был бы неполон.

...Эти замечательные ученые более чем другие должны считаться главными реформаторами русского правописания, так как под их непосредственным руководством и при их ближайшем участии был выработан окончательный проект реформы [Чернышев 1970: 559].

Мысль о том, что без упрощения русской орфографии невозможно ожидать позитивных изменений в широком просвещении народа, сформировалась в кругах передовой русской интеллигенции еще в XIX в. А в начале XX в. развернулось движение за орфографическую реформу, получившее широкий размах и приведшее к созданию в 1900 г. специальной комиссии при Императорском Московском университете. С самого начала деятельности этой комиссии активное участие принял в ней академик Фортунатов.

Обсуждение предложений комиссии развернулось по всей России. Состоявшиеся в 1902 и 1903 гг. учительские съезды поддержали проект предлагаемого упрощения орфографии. Однако в результате многочисленных обсуждений сформировались два подхода к изменениям в орфографии:

осуществить радикальный вариант с исключением лишних букв и упрощением отдельных орфографических правил либо ограничиться снисходительным отношением к тем правилам, которые являлись спорными или условными. Разрешить данную ситуацию надлежало Орфографической комиссии 1904 г. Под таким названием вошел в историю орган, председателем которого был Великий князь Константин Константинович, а его заместителем (*товарищем* на деловом языке начала XX в.) — Филипп Федорович Фортунатов.

Обсуждение вопроса о реформе русского правописания, о научности и целесообразности существующей орфографии происходило 12 апреля 1904 г. На заседании присутствовало 50 человек — известных ученых, общественных деятелей и деятелей культуры. Открыл заседание Фортунатов, в своей речи осветивший предлагаемые для обсуждения вопросы и четко обозначивший в заключение свой подход к реформе: «Высказываясь решительно за упрощение принятого ныне русского правописания, мы имеем в виду при этом прежде всего интересы школы... нельзя не признать в высшей степени желательную существенную реформу нашего правописания в виде того вреда, какой приносят школе действующие ныне орфографические требования. Школа, и низшая, и высшая, и средняя, подавлены этими требованиями, препятствующими правильной постановке дела преподавания, и прежде всего страдает вследствие этого преподавание русского языка» [Протокол 1905: 13]. Чернышев, также участвовавший в заседании, назвал речь Фортунатова голосом «в пользу позабытых интересов родного языка и учащихся детей» [Чернышев 1970: 466].

Деятельность комиссии выполнила свою роль — положила начало подготовке проекта орфографической реформы. Фортунатов и Шахматов предали обсуждение реформы гласности: по их инициативе материалы заседания комиссии были опубликованы в «Правительственном вестнике» и вышли несколькими отдельными изданиями [Григорьева 2004: 91]. Сразу после первого заседания Фортунатов начал работу над проектом упрощения.

Помимо разработки проекта, Фортунатов вынужден был вступать в переписку и в переговоры с различными лицами, подвергавшимися сомнению предполагаемое реформирование орфографии. В числе лиц,

решительно настроенных против перемен, был и Л.Н. Толстой. Но, несмотря на авторитет последнего, Фортунатов оставался верен той позиции, которая была выработана членами комиссии.

Итога своего труда Филипп Федорович не увидел. Продолжил его дело А.А. Шахматов. Председательствуя 11 мая 1917 г. на совещании, посвященном вопросам упрощения русской орфографии (подробнее см.: [Григорьева 2017: 69]), он закончил свой доклад такими словами:

Весьма желательно, чтобы это преобразование не вызвало в нашей среде разногласий... и дало бы нам окончить начатое дело с той любовью к просвещению и русскому народу, с которой оно начато безвременно от нас отошедшим ученым, академиком Ф.Ф. Фортунатовым [Григорьева 2004: 110].

Таким любящим просвещение и русский народ остался в памяти современников Филипп Федорович Фортунатов, а в памяти потомков он остается и великим ученым, и великим педагогом, и великим реформатором. Его идеи, высказанные в дискуссии о преподавании грамматики в средней школе, определили научное содержание школьного курса русского языка и легли в основу отечественной методики преподавания русского языка в XX в. Выдвинутые Фортунатовым в качестве основы преподавания методы наблюдения над языком и самонаблюдения учащихся, развития их сознательного отношения к явлениям языка и мыслительных способностей не теряют актуальности и в наше время.

ЛИТЕРАТУРА

Бондаренко М.А. Николай Федорович Бунаков: путь от учителя к «учителю учителей» (К 180-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. — 2017. — № 12. — С. 40–46.

Григорьева Т.М. Реформа русской орфографии: «от книжной искусственности к живой простоте» // Русский язык в школе. — 2017. — № 3. — С. 67–70.

Григорьева Т.М. Три века русской орфографии. — М., 2004.

Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914. — М., 1996.

Панов М.В. Лингвистика и преподавание русского языка в школе. — М., 2014.

Поржезинский К.В. Филипп Федорович Фортунатов. — М., 1914 [Поржезинский а].

Поржезинский К.В. Ф.Ф. Фортунатов (Некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. — 1914. — Ч. LIV. — № 12 [Поржезинский б].

Протокол первого заседания комиссии по вопросу о русском правописании, состоявшегося 12 апреля 1904 г. — СПб., 1905.

Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды: в 2 т. — М., 1957. — Т. 2.

Чернышев В.И. Избранные труды: в 2 т. — М., 1970. — Т. 2.

Щерба Л.В. Ф.Ф. Фортунатов в истории науки о языке // Вопросы языкознания. — 1963. — № 5.

REFERENCES

Bondarenko M.A. Nikolai Fedorovich Bunakov: put' ot uchitelya k «uchitelyu uchitelei» (K 180-letiyu so dnya rozhdeniya), in *Russkii yazyk v shkole*, No 12, 2017, pp. 40–46.

Grigor'eva T.M. Reforma russkoi orfografii: «ot knizhnoi iskusstvennosti k zhivoi prostote», in *Russkii yazyk v shkole*, No 3, 2017, pp. 67–70.

Grigor'eva T.M. Tri veka russkoi orfografii, Moscow, 2004.

Kizevetter A.A. Na rubezhe dvukh stoletii: Vospominaniya 1881–1914, Moscow, 1996.

Panov M.V. Lingvistika i prepodavanie russkogo yazyka v shkole, Moscow, 2014.

Porzhezinskii K.V. Filipp Fedorovich Fortunatov, Moscow, 1914.

Porzhezinskii K.V. F.F. Fortunatov (Nekrolog), in *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Novaya seriya, P. LIV, No 12, 1914.

Protokol pervogo zasedaniya komissii po voprosu o russkom pravopisanii, sostoyavshemsya 12 aprelya 1904 g. (The record of the first hearings on the question of Russian spelling that held on April 12 1904), Sankt-Petersburg, 1905.

Fortunatov F.F. Izbrannye trudy: v 2 t., vol. 2, Moscow, 1957.

Chernyshev V.I. Izbrannye trudy: v 2 t., vol. 2, Moscow, 1970.

Shcherba L.V. F.F. Fortunatov v istorii nauki o yazyke, in *Voprosy yazykoznanija*, No 5, 1963.